

К ВОПРОСУ О ЦЕЛОСТНОМ ОБРАЗЕ ФИЛОСОФИИ МИХАИЛА БАХТИНА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ БАХТИНОВЕДЕНИИ

В. С. Маковцев

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 15 февраля 2021 г.

Аннотация: *в статье продемонстрированы основные тенденции философского осмысления творчества М. М. Бахтина в отечественном бахтиноведении. Подчеркивая их достоинства как самостоятельных явлений в области современной гуманитаристики, автор обращает внимание на невозможности ни одной из них полноценно справиться с задачей реконструкции целостного философского образа Бахтина. Тем не менее, опираясь на достоинства представленных интерпретаций, в статье резюмируются возможность и необходимость нового поворота в сторону Бахтина с целью целостного построения его уникального философского образа.*

Ключевые слова: *М. М. Бахтин, В. С. Библер, история русской философии, современная русская философия.*

Abstract: *the article demonstrates the main trends in the philosophical understanding of the work of M. M. Bakhtin in the domestic Bakhtin studies. Emphasizing their merits as independent phenomena in the field of modern humanities, the author draws attention to the impossibility of any of them to fully cope with the task of reconstructing the integral philosophical image of Bakhtin. Nevertheless, based on the advantages of the presented interpretations, the article summarizes the possibility and necessity of a new turn in the direction of Bakhtin in order to build a complete and unique philosophical image of him.*

Key words: *M. M. Bakhtin, V. S. Bibler, history of Russian philosophy, modern Russian philosophy.*

Михаил Бахтин (1895–1975) – философ, литературовед, культуролог, представитель диалогизма, автор концепций «полифония», «карнавал», «хронотоп», «амбивалентность». Наследие Бахтина породило вокруг себя особый феномен бахтиноведения, ставший мировым интеллектуальным пространством. Открытие Бахтина пришлось на 60-е гг., а бум бахтиноведения – на 70–80-е гг. В настоящее время мода на Бахтина, если не сошла, то, очевидно, сходит, оставаясь уделом интересов узких групп специалистов. В этой ситуации представляется возможным подвести если не окончательные, то предварительные итоги. Т. В. Щитцова отмечает, что, несмотря на обилие литературы вокруг творчества Бахтина, «сегодня, как и десять лет назад, повторяя начальные фразы сборника “М. М. Бахтин как философ”, что “общие установки бахтинской мысли – его собственно философская позиция ... не поддались до сих пор однозначному толкованию <...> даже основные моменты позиции Бахтина понимаются далеко не однозначно” ... Вопрос о том, кто он, Михаил Ми-

хайлович Бахтин, и что это за философия, автором которой он является, остается по-прежнему открытым вопросом, ответы на который сбивают с толку своими разнообразиями» [1, с. 7–8]. На это обращает внимание и В. Л. Махлин, указывая, что при изучении наследия Бахтина в ситуации «пост-пост-пост-всего обнаруживается, что подлинное исследование еще даже и не начиналось и, значит, можно попытаться поставить вопрос о новом начале и новых задачах» [2, с. 41]. «Вялотекущей инерцией» [3] характеризуют современное состояние бахтиноведения редакторы четвертого выпуска серии «Проблемы бахтинологии». Резюмируем словами Махлина: «Бахтинистика, как особая междисциплинарная область исследования и у нас, и на Западе, сегодня почти прекратила свое существование» [4, с. 18].

Одна из первых задач в этой ситуации – посмотреть, в какой плоскости Бахтин как мыслитель уже представлен в отечественной мысли. Среди обилия текстов, посвященных Бахтину, не так много работ, в которых поднимается фундаментальный проект реконструкции цельности философии Бахтина с присущими ему характерными особенностями так, чтобы это выходило за пределы общей риторики. Предприятие это сложное, требующее от исследователя интеллектуального уровня едва ли не соразмерного самому Бахтину. Тем не менее имеется четыре позиции, достойные внимания в контексте поднимаемой проблемы. Невозможно детально просмотреть каждую из них в рамках отдельной статьи, поэтому мы остановимся на ключевых моментах, не выходя за пределы обозначенной темы.

Упомянутый выше Махлин, говоря о месте философии, указывает на его «диалог с Германией», подчеркивая, что «только на фоне “деструкции” западной метафизики, осуществленной у немецких наследников классической немецкой философии ... русский мыслитель М. М. Б. вообще может быть осознан и оценен как “наш Платон и Невтон”, со всей собственной “деструкцией” (“карнавализацией”) западной метафизики и замесившими ее концепциями “хронотопа” и “большого времени”, со своими собственными переходами от мира науки к миру жизни в самом научно-философском познании». Для Махлина Бахтин – единственный мыслитель, обнаруживающий целостное значение «в диалоге с Германией вплоть до сегодняшнего дня». Можем к этому добавить: не только с Германией, но и с мировой философией вообще и, прежде всего, с ситуацией постмодерна. По мысли Махлина, «“постмодерн” раньше и радикальнее всего, но тем более анонимно (“неофициально”), был пережит в России уже в первые прореволюционные годы: произошла катастрофа русского “модерна”» [5, с. 61], в неустойчивых условиях которых сформировалась бахтинская мысль. Последовательно примеряя образ Бахтина к основным интеллектуальным направлениям, Махлин признает: «Бахтин – не-модернист, но в то же время со-современник, современность которого адекватна (сравнительно) уровню понимания и “сквозной умонастроенности” постмодернизма» [6, с. 210]. На наш взгляд, это не лишено спекуляции: «Бахтинский диалогизм, настаивающий на продуктивной

и принципиальной “незавршенности” сознания и познания в истории культуры, обнаруживает незавершенность и всей современной культуры в ситуации постмодернизма» [там же, с. 191]. Ситуация же «незавершенности» в эпоху постмодерна проявляется в отсутствии онтологического основания смыслов и ценностей, незавершенность же диалога у Бахтина отражает бесконечность человеческого духа, поскольку «подлинная жизнь личности доступна только диалогическому проникновению в нее, которому она сама ответно и свободно раскрывает себя» [7, с. 70]. Диалог, каким его мыслил Бахтин, выступает скорее оппозицией постмодернистского отрицания онтологического смысла.

Позиция Махлина примечательна попыткой провести нити между Бахтиным и западной интеллектуальной традицией, но не между русской и западной мыслью, – во всяком случае, такой вопрос не ставится исследователем, но эксплицируется самим исследованием. Кроме того, видя в Бахтине возможное связующее звено, сам Бахтин при этом превращается из цели в средство, теряясь в пограничных ситуациях интеллектуальных традиций, что отдаляет нас от намеченной задачи. Позиция также грубо лишена определенной традиционности мысли, которую в известной мере восполняет позиция К. Г. Исупова.

Подчеркивая венаходимость Бахтина относительно приравниваний и сопоставлений, Исупов при этом видит в нем одного из представителей Серебряного века, тем самым связывая мысль Бахтина с классической русской религиозной мыслью. Диалогизм Бахтина, будучи одной из центральных его тем, не покоится на пустом месте, но является следствием «духа времени». На это указывает Исупов, говоря, что «вопрос о границах личности широко обсуждается в трактатах Серебряного века. Оглянувшись на себя, “я” обнаружило в горизонте своего видения смутный пока абрис Другого, чья позиция была признана более компетентной, чем своя собственная», тем самым вводя Бахтина в русло русской интеллектуальной традиции, подчеркивая уникальность Бахтина как мыслителя, сочетавшего в той же мере «глубину философской интуиции с филологической компетенцией. Те, кто захотел соединить эти традиционно врозь живущие качества (А. Лосев, А. Мейер, П. Флоренский) дали нам иные типы синтеза методологий – все трое кардинально отличны от Бахтина характером дистанций меж “я” исследователя и его объектом» [8, с. 11]. Однако такая позиция не вводит нас в проблематику специфического феномена Бахтина, при котором он вдруг оказывается понятным на западе, становясь едва ли не самым нерусским среди русских мыслителей, на чем основывается позиция Махлина. Здесь явно недостаточно риторической констатации уникальности Бахтина. Задача философа, в том числе историка философии, – явить интеллектуальный феномен среди прочего сущего, проговорить его актуальность в настоящем времени за него самого, дав ему право голоса в большом времени.

Две обозначенные выше позиции, на наш взгляд, носят функциональное значение, при котором философия Бахтина помещается в общее мировое или частное русское интеллектуальное пространство и при

котором специфические особенности философии Бахтина проявляются исходя из заданного исследователями контекста. Иными словами, речь идет о результате компаративистских исследований, при котором искомый феномен сравнивается как с близлежащими, так и с отдаленными, схожими или совсем непохожими, а соответствующие выводы становятся содержательным материалом. Не говоря о методологической слабости, такая несколько рассудочная позиция упрощает понимание, подстраивая предмет под методологию. Сводить его только к связям и общим темам означает полагаться в очередной раз на рассудочное понимание, избегая философской предпосылочности феномена Бахтина. Не говоря уже о том, что функциональные позиции почти игнорируют внутреннее содержание философии и специфического литературоведения Бахтина. Речь не о том, что исследователи этого не замечают, но именно о позиции, при которой они говорят о специфических особенностях философского единства Бахтина и его значения.

Один из первых попытавшихся поставить и решить вопрос о единстве и целостности философии Бахтина в русской традиции был В. С. Библер. Он первый понял несводимость Бахтина только лишь к одной какой-то теме, констатируя «“невместимость” работ Бахтина в один “речевой жанр”». Библеру принадлежит первая и, в качественном смысле, единственная биография Бахтина («М. М. Бахтин, или Поэтика культуры», 1991). Взгляд Библера на Бахтина – это взгляд современника, при этом его интересует Бахтин, как «философа интересует философ» [9, с. 5]; целью этого интереса является необходимость «понять цельность идеи Бахтина» [там же, с. 10], смысл которой в открытии Бахтиным «основ гуманитарного мышления в его действительной, онтологической значимой *всеобщности*» [там же, с. 15]. Бахтин понимается им целостно, поскольку разложение его на отдельные фрагменты лишает нас целостного понимания, при этом порождая различного рода параллели и сопоставления, которые в избытке имеются в литературе о Бахтине, и к чему, по нашему мнению, принадлежат две вышеобозначенные позиции. Признавая определенное значение эпохи, на которую пришлось раннее творчество Бахтина, Библер подчеркивает, что «попытки представить воззрения Бахтина в четком круге мыслей его “учителей” ни к чему хорошему не приводят, – разве что попытки эти могут исказить и усреднить до неузнаваемости воззрения Бахтина». Однако взгляд Библера во многом несет отпечаток культурологического пафоса, нежели исключительно философского, поскольку теряется, пожалуй, одно из самых главных, а именно – проблема человека, проблема Я и Другого, являющаяся центральной в философии Бахтина и разворачивающаяся во всем его наследии. Конечно, он только к этому не сводится. Библер также отмечает и философско-антропологический пафос гуманитарной мысли Бахтина, которая существует, по мысли Библера, «только как текстология (в свою очередь понимаемая как переформулировка философии, той самой философии, которая трактует о... границах между текстами, – собственной территории не имеющая)» [там же, с. 85]. Но при

таком понимании философско-антропологической специфики мысли Бахтина и сам человек оказывается выброшен из позиции поиска своего места. Однако само положение вопроса, при котором человек вдруг оказывается в вынужденном поиске места, представляется ошибкой воображения, нежели отражением реальной проблемы, на чем, скажем, строит свое основание экзистенциализм. Ошибка эта состоит в том, что человек оказывается в поиске смысла извне, как если бы смысл полагался данным как часть реальности, независимой от человека, в то время как смысл является отражением результата деятельности человека, как некое ценностное содержание его поступка, долженствующего по мысли Бахтина, только перед самим собой [10, с. 10]. Для Бахтина человек не текст, но скорее поступок, и как поступок, долженствующий перед собой, утверждающий свою автономию. В этом свете и должна быть раскрыта специфичность его философской мысли.

Культурологический пафос проявляется в отношении Библера также к диалогу, мыслящемуся им в «микрокосме “текста” и, особенно – “произведения”» [9, с. 28], как единственной возможности его логически помыслить, взятой в его законченной, стало быть, рассудочной форме. Диалог – это не литература, и диалог глубже только лишь текста. Такое понимание «закрывает» диалог, превращает его, по утверждению самого Библера, в «гуманитарную монаду», которая, как известно, не имеет ни окон, ни дверей. Библер на этом основании формирует свой культурологический диалогизм. Такое понимание диалога может быть оправдано для культуролога, но для философа, тем более уровня Бахтина, это невозможно, для которого диалог характеризуется принципиальной незавершенностью, что и прямо вытекает из бесконечности человеческого духа. Это лишь немного, позволяющее говорить, что Библер видел в Бахтине не столько Бахтина, сколько, через его тексты, свое отражение, со всеми достоинствами, которые мы нисколько не пытаемся принижать. Нет необходимости идти по тексту Библера, споря с содержанием, важно лишь зафиксировать в контексте нашего исследования, что предпринятая попытка показать целостность философского феномена Бахтина проходит в русле культурологии, особенностью которого является особое понимание Бахтиным филологии. Попытка реконструировать мысль Бахтина, предпринятая Библером, достаточно успешная в рамках заявленной темы, тем не менее, ограничивает понимание феномена Бахтина, особенно после переоткрытия раннего текста Бахтина «К философии поступка», – вопрос, знал ли Библер этот текст, является открытым.

Позиция, пытающаяся восполнить незнание раннего текста Бахтина, принадлежит Л. А. Гоготишвили. Ее целью была попытка «обрисовать контуры общеконцептуальной основы бахтинской позиции, попытка найти тот стержень, на который можно было бы нанизать всё многообразие бахтинских тем и который позволил бы свести мозаичность восприятия Бахтина, вызванную преимущественным вниманием к какой-либо одной его теме или книге, к единой картине» [11, с. 99]. Этим стержнем философии Бахтина Гоготишвили признает идею персоналистического

дуализма, «на который последовательно и непротиворечиво как бы низывались впоследствии все новые и новые круги тем и категорий» [там же, с. 101]. Основанием для этой позиции служит ранняя работа Бахтина «К философии поступка». Трактакт оставался неизвестным широкому кругу читатели и был опубликован полностью только в начале 2000-х. Но именно через исторически первую работу Бахтина становится ясным всё дальнейшее движение его мысли, и, поскольку, по мысли Гоготипвили, нравственная реальность, являясь центральным моментом раннего Бахтина, понимается как едва ли не тождественная религиозному, то и вся философия Бахтина мыслится в свете религиозного дискурса со всеми специфическими особенностями. При всех достоинствах позиции у нее есть явный недостаток, – исследования Бахтина в области литературоведения становятся формой завуалированного поиска отношения между «я и другим» как центрального момента персонализма Бахтина. Такая позиция обходит вниманием его литературоведческое значение, превращая «литературный материал» в средство, с чем нельзя согласиться, поскольку литература не только форма художественного творчества, но и раскрытие содержания уникальности человеческого бытия. Позиция религиозности Бахтина во многом представляется натянутой, но и логически закономерной в контексте классической русской философии, осколком которой является и Михаил Бахтин. Дело не только в научной строгости, которой придерживался Бахтин, и отсутствии «метафизики», понимаемой как нечто, лишенное четких оснований в реальности, но и в том, что «религиозное» не раскрывается содержательно, но приписывается ему из вне, чем характеризуются все указанные интерпретации. В этом их достоинство как самостоятельных явлений, но в то же время недостаток, если говорить о реконструкции целостности Бахтина. В нашу задачу не входила критика ради самой критики, но скорее попытка, выявить существенное в методологических особенностях бахтинистов, пытающихся репрезентировать целостность философии Бахтина.

Представленные позиции оказываются с ярко выраженным акцентом на тот или иной аспект философии Бахтина, что придает исследованиям их уникальность, но ставит под сомнение объективное достоинство самой философии Бахтина. Они не исчерпывают всех возможных представлений о философии Бахтина даже в отечественной литературе о Бахтине, однако наиболее ярко отражают образы философии Бахтина в отечественном интеллектуальном пространстве, а возможные иные точки зрения в той или иной степени будут скорее вариациями на заданную тему. Показав их методологическую ограниченность, насколько это возможно в ограниченных рамках статьи, обойдя вниманием более детальное рассмотрение каждой из обозначенных позиций, подчеркивая при этом их достоинства, в контексте поставленной цели, мы тем самым позволим если не совершить поворот в сторону нового осмысления бахтинской мысли, то, во всяком случае, наметить к этому тенденцию. Бахтина как философа еще только предстоит открыть. С момента открытия его наследия прошло относительно немного времени, чтобы могла появ-

виться достойная Бахтина фигура, сумевшая вступить с ним в диалог в «большом времени», прояснив тем самым его величие.

Литература

1. *Щитцова Т. В.* Событие в философии Бахтина / Т. В. Щитцова. – Минск : И. П. Логвинов, 2002. – 300 с.
2. *Махлин В. Л.* Незаслуженный собеседник (I) (Опыт исторической ориентации) / В. Л. Махлин // Бахтинский сборник / отв. ред и сост. В. Л. Махлин. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – Вып. 5. – 632 с.
3. Бахтинология. Вып. IV: К столетию начала творчества М. Бахтина / сост. К. Г. Исупов ; под ред. М. В. Махлина, Ю. В. Колесниченко. – М. : Энциклопедист-Максимум, 2018. – 216 с.
4. *Махлин В. Л.* Рукописи горят без огня / В. Л. Махлин // М. М. Бахтин / под ред. В. Л. Махлина. – М. : РОССПЭН, 2010. – 448 с.
5. *Махлин В. Л.* Невельские осколки / В. Л. Махлин // Махлин В. Л. Большое время : подступы к мышлению М. М. Бахтина. – Siedlce : Uniwersytetu Przyrodniczo-humanistycznego w Siedlcach, 2015. – 175 S. – (Opuscula Slavica siedlcensia; T. 8).
6. *Махлин В. Л.* Наследие М. М. Бахтина в контексте западного постмодернизма / В. Л. Махлин // М. М. Бахтин как философ. – М. : Наука, 1992. – 256 с.
7. *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Собр. соч. – М. : Языки славянских культур, 2002. – Т. 6. – 799 с.
8. *Исупов К. Г.* Уроки Бахтина / К. Г. Исупов // М. М. Бахтин : Pro et contra. – СПб. : РХГИ, 2001. – Т. 1. – С. 7–44.
9. *Библер В. С.* Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры / В. С. Библер. – М. : Прогресс : Гнозис, 1991. – 176 с.
10. *Бахтин М. М.* К философии поступка / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Собр. соч. – М. : Языки славянских культур, 2003. – Т. 1. – 957 с.
11. *Гогтишвили Л. А.* Варианты и инварианты М. М. Бахтина / Л. А. Гогтишвили // Pro et contra. – СПб. : РХГИ, 2001. – Т. 2. – С. 98–131.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

*Маковцев В. С., аспирант кафедры истории русской философии
E-mail: vl.makoutsev@gmail.com*

Moscow State University named after M. V. Lomonosov

*Makoutsev V. S., Post-graduate Student of the History of Russian Philosophy Department
E-mail: vl.makoutsev@gmail.com*

В. С. Маковцев. К вопросу о целостном образе философии...